ЕВРОПА 02.12.2025 | Джон Остин & Энди Вествуд

Нации инноваций

Развитие Европы и стабильность демократий зависит от того, начнут ли университеты более активно заниматься инновациями

Стагнация экономики и углубление географических различий в развитых демократических странах уже не являются локальными или чисто финансовыми проблемами. Это очаги политических конфликтов, подпитывающие популистские движения. Для изменения тенденции нужен смелый новый подход: построение высокотехнологичного, открытого для инноваций и поэтому экономически сильного государства, которое создает рабочие места, возрождает пришедшие в упадок регионы и укрепляет демократию.

Перед большинством развитых демократий, в частности Канадой, Великобританией, Германией, а также остальной Европой, стоят две основные экономические и политические задачи. Первая, учитывая стагнацию, заключается в построении более динамичной и высокотехнологичной экономики – именно к этому призвал Драги в своем отчете о конкурентоспособности ЕС в 2024 году. Эта задача стала еще более актуальной после того, как новая администрация США отказалась от международной торговли и институтов и стала угрожать отказаться и от обязательств по безопасности перед Европой.

Вторая задача, тесно связанная с первой, – преодолеть значительные географические различия, например, между прибрежными регионами США и заброшенными штатами «ржавого пояса» на Среднем Западе, между процветающим Лондоном, юго-востоком Англии и опустошенным центром и севером, между бывшими поселениями металлургов и шахтеров (Гельзенкирхен в немецком Руре, Котбус на бывшем Востоке) и другими регионами Германии.

Решение обеих проблем заключается в стимулировании инноваций и дальнейшей

Особенно важно перезапустить экономику именно этих некогда промышленных, а теперь отсталых регионов, иначе они станут рассадниками популизма. Опыт показывает, что экономический упадок делает жителей

коммерциализации новых технологий, продуктов и процессов новыми стартапами и компаниями, быстрый рост которых будет способствовать росту экономики как на местном, так и на государственном уровнях

промышленных общин, таких как эти, уязвимыми перед поляризующими, антисистемными популистскими движениями. Но когда такие общины выходят из кризиса и строят динамичную экономику, основанную на инновациях (это уже сделали во многих промышленных регионах США, Великобритании и Европы), жители становятся политически умеренными. Таким образом, региональную экономическую политику, которую часто считают чисто провинциальной проблемой, на самом деле можно назвать жизненно важной составляющей государственной политики. Она сдерживает рост поддержки популистской, часто этнонационалистической, антисистемной идеологии, которую воплощает движение MAGA в США, Reform UK в Великобритании, AfD в Германии и другие правые националистические партии, становящиеся все более популярными в Европе.

Решение обеих проблем заключается в стимулировании инноваций и коммерциализации новых технологий, продуктов и процессов новыми стартапами и компаниями, быстрый рост которых будет способствовать росту экономики как на региональном, так и на государственном уровнях, а также созданию хороших рабочих мест и, как следствие, повышению уровня жизни. Поэтому сейчас приоритетом для демократических стран должно быть развитие основанной на инновациях экономики и собственной высокотехнологичной промышленности, особенно в тех регионах, которые переживают экономические преобразования и не могут самостоятельно встать на этот путь.

Уроки из опыта США

Европа давно определила, но до сих пор не устранила целый ряд факторов, которые мешают развитию технологий по американскому образцу (R&D плюс финансы). «Препятствий» много: правила и нормы ЕС и отдельных государств, которые порой перекрывают друг друга; университетские системы стимулов, недружественные, а то и враждебные к коммерциализации и предпринимательству; корпоративная культура, которая поощряет постепенное улучшение

того, что есть, а не прорывы; отсутствие культуры риска и, как следствие, относительно небольшой пул крупных и активных венчурных инвесторов.

Даже в Канаде, а также в Великобритании, где социальная и бизнес-культура не такая, как в остальной Европе, слишком мало инициатив становятся высокоценными стартапами, несмотря на сильные исследовательские университеты и корпоративный R&D. Многие новые технологические стартапы финансируются, покупаются и переносятся за границу внешними инвесторами, в частности крупными американскими венчурными и технологическими компаниями, в результате чего почти все европейские страны зависят от американских высоких технологий в обороне и во многих других сферах.

Крайне важно извлечь правильные политические и стратегические уроки из опыта США. Америка десятилетиями создавала экономические кластеры и революционные технологии, от полупроводников и интернета до современных стартапов. Она запустила буквально все: Google, Uber, Amazon, Instagram. Ядром американской экосистемы инноваций являются университеты, как частные, так и государственные, а также тысячи колледжей, научно-исследовательских институтов и исследовательских медицинских центров. Эти учреждения привлекают и готовят лучших специалистов в мире, в частности в области информатики, инженерии, бизнеса, финансов и медицины.

Необходимо изменить саму культуру университетов и научно-исследовательских институтов, чтобы они взяли на себя миссию содействия предпринимательству и росту экономики

Может показаться, что развитие динамичной экосистемы инноваций возможно только в причудливой американской культуре полной свободы, но это не так. Существование целого комплекса программ и прочных инновационных экосистем в бывших промышленных столицах, удаленных от побережья, таких как Кливленд (Огайо) и Питтсбург (Пенсильвания), и в промышленных штатах, таких как Висконсин, Мичиган и Северная Каролина, свидетельствует о том, что динамичные экосистемы инноваций не ограничиваются Кремниевой долиной. Их можно создать где угодно, в частности, это уже происходит в регионе, который раньше пренебрежительно (а сейчас неуместно) называли «ржавым поясом» США.

Новая политика должна включать надежное государственное и частное финансирование фундаментальных и прикладных исследований, а также расширение существующих и создание новых научно-исследовательских и учебных учреждений. Кроме того, некоторые штаты, такие как Мичиган и Индиана, и некоторые общины, такие как Грин-Бей, Висконсин, Цинциннати и Колумбус (Огайо), создали государственные и местные инновационные фонды для развития венчурного капитала (и таланта инвесторов) в регионах, где он не возникал естественным образом. Университетские экосистемы инноваций развиваются также благодаря государственно-частным посредническим организациям, через которые опытные менеджеры по инвестициям и успешные предприниматели направляют венчурные инвестиции в перспективные стартапы местных фирм, университетов и научно-исследовательских учреждений.

На государственном же уровне инвестиции эпохи Байдена в науку и инновации через *CHIPS and Science Act* породили новые «двигатели инноваций» и «технологические хабы», которые намеренно разместили подальше от «суперзвездных» прибрежных регионов.

Но задача для стран, стремящихся дать толчок своей экономике с помощью технологий, заключается не только в поиске правильного комплекса государственных и региональных мер, то есть сочетания финансов, стимулов, правил и программ сотрудничества для университетов и субъектов региональной экономики. Необходимо изменить саму культуру университетов и научно-исследовательских институтов, чтобы они взяли на себя миссию содействия предпринимательству и росту экономики, включая финансовые стимулы и поддержку коммерциализации. Именно такое решение Университета Питтсбурга и Университета Карнеги – Меллона превратило Питтсбург из полумертвого сталелитейного города в мощный центр искусственного интеллекта, робототехники и информационных технологий.

Насколько сильной будет экосистема инноваций региона и, как следствие, экономика государства, зависит от того, что могут сделать сами исследовательские университеты, но обратное не всегда верно. Чтобы такие экосистемы могли полноценно развиваться и максимально влиять и на регион, и на страну, университеты должны быть полноценными активными участниками процесса, а не просто случайными прохожими. То есть университеты, а также их спонсоры и кураторы, должны быть заинтересованы в развитии экономики региона.

Работая вместе и учась друг у друга, мы сможем восстановить экономику тех регионов Европы, которые сейчас находятся в затруднительном положении. В противном случае там будет продолжать расти поддержка популистских партий.

Развитым демократическим странам пора избавиться от чувства самоограничения и инерции – убеждения, что Европа и союзники не могут конкурировать с Кремниевой долиной. Европа, бесспорно, способна создавать новые, революционные экосистемы инноваций, которые разрабатывают технологии и становятся двигателем экономики. Сейчас задача состоит в том, чтобы расширить эту способность. Такие города, как Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм, Амстердам, Таллинн, Хельсинки, Порту и Вильнюс, уже являются процветающими технологическими центрами Европы – городскими агломерациями, которые целенаправленно и успешно построили высокотехнологичную экономику – но многие другие регионы отстают.

Жизненно важно продолжать обмениваться опытом между странами и внедрять эффективные стратегии инноваций. Нынешняя политика США нарушает международный порядок и усиливает давление на экономики всех государств – и дружественных, и враждебных. Недавно признанную, но уже насущную потребность Европы в защите не так легко удовлетворить из-за зависимости от американских технологий в сфере вооружения (как и в любой другой). Между тем американские технологические компании требуют беспрепятственного доступа к ЕС и другим рынкам.

Но есть и хорошие новости: лидеры инноваций из таких университетов, как Дуйсбург и Дортмунд в Германии, Ньюкасл и Манчестер в Великобритании, а также Мичиган и Северная Каролина в США, объединяются с другими и начинают налаживать связи, чтобы лучше справляться с общими трудностями. Работая вместе и учась друг у друга, мы сможем восстановить экономику тех регионов Европы, которые сейчас находятся в затруднительном положении. В противном случае там будет продолжать расти поддержка популистских партий — партий, которые, как видно на примере США, имеют своеобразное представление об университетах, науке и ценностях. В то же время можно лучше способствовать инновациям в самих странах, укрепляя и их экономику, и международную коалицию, способную противостоять тем, кто стремится навязать нам недемократические ценности и образ жизни. В наших общих интересах учиться и действовать

вместе, причем быстро.



Джон Остин

Джон Остин (John Austin) – приглашенный научный сотрудник в Академии международных отношений NRW и старший научный сотрудник Института Айзенхавера в Геттисбергском колледже. Он координирует продвижение идей и построение сетей для укрепления экономики и демократии во всем мире. Также старший научный сотрудник Брукингского института.



Энди Вествуд

Энди Вествуд (Andy Westwood) – профессор государственной политики, управления и бизнеса, а также директор по вопросам политики Института продуктивности Манчестерского университета. Член правления Skills England и руководитель Национального института экономических и социальных исследований (NIESR). Работал экспертом-советником в ряде организаций, в частности МВФ, ОЭСР, ЕС, а также в нескольких комитетах британского парламента.